

German Craft Culture in Saint Petersburg: Characteristics of Development in the First Half of the 19th Century

Vladimir N. Shaidurov¹, Nikita A. Osipov² & Anna A. Kajryak³

Pushkin Leningrad State University. St Petersburg, Pushkin, Russia

Received: 15 May 2023 | Revised: 13 June 2023 | Accepted: 21 June 2023

Abstract

The handicraft industry remained an integral part of the mixed economy of the Russian Empire. Foreign artisans, primarily those of German descent, played a significant role in the capital cities from the 18th century onward. Most of these craftsmen relocated to Russia in response to an invitation from the Tsarist government. Around the turn of the 18th and 19th centuries, German artisans began forming professional communities (workshops) in St. Petersburg, falling under the jurisdiction of the German Craft Council. Initially, they were exempt from compulsory registration with the workshops and the payment of state and other taxes. The homogenization policy adopted by Emperor Nicholas I contributed to the formal integration of German craftsmen into the urban economy, gradually diminishing the existing disparities between them and Russian artisans.

This research aims to examine the characteristics of life and work of German artisans in St. Petersburg during the first half of the 19th century. It places particular emphasis on the analysis of the evolution of their legal status, as well as the evaluation of their professional, demographic, and social development. Special attention is paid to the practices of both vertical and horizontal mobility.

The foundation of this study rests on published statutes, regulations, and archival materials from the collections of the State Archive of the Russian Federation and the Central State Historical Archive of St. Petersburg. Many of these materials are being introduced into scientific discourse for the first time. The article is intended for specialists studying ethnic and professional groups within the urban population of the Russian Empire.

Keywords

German Craft Council; German Workshop; Craftsman; Fellow Craft; Baker; Workshop Charter; Workshop Rituals; Social Mobility; Identity; St. Petersburg

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: s-w-n[at]mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

2 Email: osipov090996[at]mail.ru

3 Email: anna_solveig[at]mail.ru

Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в.

Шайдуров Владимир Николаевич¹, Осипов Никита Александрович²
Кайряк Анна Алексеевна³

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Рукопись получена: 15 мая 2023 | Пересмотрена: 13 июня 2023 | Принята: 21 июня 2023

Аннотация

Ремесленное производство оставалось важной частью многоукладной экономики Российской империи. В столичных городах заметную роль с XVIII в. играли иностранные, преимущественно немецкие, ремесленники. Большинство из них откликнулось на призыв царского правительства переселиться в Россию. На рубеже XVIII – XIX вв. немецкие мастера в Санкт-Петербурге оформили профессиональные сообщества (цехи), которые находились в ведении Немецкой Ремесленной управы. Первоначально они были освобождены от обязательной записи в цехи и уплаты казенных и иных налогов. Курс на гомогенизацию, принятый императором Николаем I, способствовал формальной интеграции немцев-ремесленников в городскую экономику, нивелированию различий, существовавших между ними и русскими мастерами.

Цель данного исследования – изучение особенностей жизни и деятельности немецких ремесленников в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. Для этого проанализированы эволюция их правового положения, выделены специфические черты профессионального, демографического, социального развития. Впервые в историографии на конкретных примерах представлены практики вертикальной и горизонтальной мобильности. Основой для исследования стали опубликованные нормативно-правовые акты и архивные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Статья рассчитана на специалистов, которые занимаются изучением этнических, профессиональных групп городского населения Российской империи.

Ключевые слова

немецкая ремесленная управа; немецкий цех; ремесленник; подмастерье; булочник; устав цехов; обряды цехов; социальная мобильность; идентичность; Санкт-Петербург

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: s-w-n[at]mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

2 Email: osipov090996[at]mail.ru

3 Email: anna_solveig[at]mail.ru

Введение

Ремесленный мир дореволюционной России до настоящего времени остается слабо изученной темой. Институционализированный при Петре Первом в начале 1720-х гг. и Уставом о цехах 1799 г., принятом при Павле Первом, он сохранил свое значение для местной экономики вплоть до конца НЭПа. Только революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними экономическая разруха нивелировали существовавшие более столетия ремесленные цеха и привели к появлению многочисленных кустарей-одиночек.

Одним из центров массового ремесленного производства в XVIII – первой четверти XX в. являлся Санкт-Петербург (в 1914 – 1924 гг. Петроград, в 1924-1991 гг. Ленинград). Это объясняется столичным статусом города, численность населения которого постоянно возрастала. К середине XIX в. в нем проживало более 523 тыс. чел. Пестрый социальный состав породил различный уровень запросов горожан. Но были те сферы, которыми пользовались все без исключения. Это относится к производству продуктов питания (хлеб, хлебо-булочные, кондитерские, мясо-колбасные и иные изделия), одежды, обуви, музыкальных инструментов и т.д. В условиях отсутствия соответствующих отраслей промышленности потребности горожан удовлетворяли многочисленные ремесленники.

Уже в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге присутствовали различные ремесленные цехи, которые делились на российские и иностранные (немецкие). К рубежу XVIII – XIX вв. именно немцы заняли лидирующие позиции в некоторых ремесленных сферах. В первую очередь, следует выделить значение немецких булочно-кондитерского, музыкально-инструментального и иных цехов, ставших, по сути, монополистами в своих сферах.

Немецкий ремесленный Петербург в зеркале историографии

Одним из первых о немцах-ремесленниках в Санкт-Петербурге написал академик И. Г. Георги, приводя о них данные в некоторых своих работах, изданных как на русском, так и немецком языках. Для представления реальной картины наибольшее значение имеет издание 1794 г. «Описания российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» (Часть первая) (1794). В нем автор дополнил некоторые сведения, которые отсутствуют, например, в немецком издании 1790 г.

Одновременно с академиком И. Георги описание Санкт-Петербурга и губернии во второй половине 1780-х гг. готовил чиновник Государственного заемного банка и корреспондент Императорской академии наук Федор Осипович Туманский. К 1788 г. он завершил работу над главным трудом

своей жизни - «Опытом повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии, включая народы и селения со времен древних до ныне», который включал в себя разнообразные сведения. Полнотекстовая рукопись в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ, 1789-1790). С 1792 г. некоторые материалы были напечатаны в издававшемся Туманским же журнале «Российский магазин» (1792, с. 11 – 186). Большую ценность имеют сведения о жизни немецкой общины столицы. В целом же работы Георги и Туманского дополняют друг друга в описании Санкт-Петербурга.

Среди публикаций первой половины XIX в. следует, в первую очередь, выделить сочинение доктора медицины Г. Л. Аттенгофера «Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи» (1820), изданное первоначально в Цюрихе на немецком языке, а в 1820 г. на русском языке в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Обращает на себя внимание тот факт, что эта работа была написана в очень сжатые сроки: лишь в 1816 г. ее автор поступил на русскую службу и стал одним из врачей столичной Калининской больницы. Наибольший интерес, с точки зрения рассматриваемой нами темы, представляет четвертое отделение книги «Характер и образ жизни граждан» (1820, с. 152–267), в котором приведены уникальные сведения о повседневной жизни немецких ремесленников. Аттенгофер черпал сведения как из общения с горожанами, некоторые из которых были его пациентами, так и личных наблюдений. Нередко он использовал и официальные статистические данные, приводя, например, данные о динамике цен в столице на основные продукты питания (мясо, мука и пр.) за последние 50 лет.

В советский период авторы крайне редко обращались к изучению истории ремесленников в имперский период. Этому способствовали разные причины. Так, они не являлись частью промышленного пролетариата, которому посвящены многочисленные сочинения. К тому же часть городских ремесленников принадлежала к зажиточным слоям Санкт-Петербурга, Москвы и других крупных городов, а потому представлялась как часть буржуазии. В сословном отношении ремесленники нередко сливались с мещанством, к которому с легкой руки русских драматургов сформировалось крайне пренебрежительное отношение. В то же время можно выделить некоторые работы видных отечественных специалистов, которые смогли вписать ремесленное производство в общую канву экономической истории Российской империи.

Тем не менее, тема ремесла нашла отражение в работах советских историков. Одна из немногих монографий, посвященных истории русского законодательства в отношении цехов в имперский период, стала результатом многолетней деятельности К. А. Пажитнова. В своей монографии «Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма» он дал анализ правовой политики государства на разных этапах. Надо сказать, что столич-

ному ремесленному миру конца XVIII в. автор не уделил много внимания. Применительно же к его характеристике он использовал данные своих предшественников, например, И. Георги (Пажитнов, 1952, с. 82–84). Разбирая содержание Устава о цехах 1799 г. и других актов первой половины XIX в., К. А. Пажитнов, к сожалению, оставил вне поля зрения те акты, которые были выработаны для петербургских ремесленников Временной комиссией для введения нового Положения об общественном управлении в Санкт-Петербурге (1846–1858 гг.).

Некоторые сведения о состоянии ремесленного производства в Санкт-Петербурге в дореформенный период можно найти в коллективной монографии «Очерки истории Ленинграда» (Бернадский и др., 1955). Отмечая факт наличия в столице не только российских цехов, находившихся под управлением особой Ремесленной управы, М. П. Вяткин отметил также существование Ремесленной управы иностранных цехов (1955, с. 486). Но этим автор и ограничился. Дальнейшие сведения касаются столичного ремесла в общем виде. Его состояние представлено в русле марксистско-ленинской методологии. Само ремесленное производство охарактеризовано сквозь призму сохранения пережитков феодальных крепостнических отношений, которые присутствовали и в возникших на основе мастерских мануфактурах. Правовое положение ремесленников, оформленное Уставом цехов (1799 г.), по утверждению автора, в последующие годы претерпело «незначительные изменения» (с. 486).

Ремесленники, являясь неотъемлемой частью городского сообщества, оказались в поле зрения П.Г. Рызюнского в монографии «Городское гражданство дореформенной России» (1958). В работе справедливо отмечен факт наличия традиций ремесленной цеховой организации в прибалтийских губерниях и их слабость в российских городах (с. 30). Общая характеристика ремесленного производства, данная автором, сводится к тому, что постепенно немногочисленные кадровые ремесленники поглощались многочисленными вольноотпущенными, которые освоили некоторые ремесла в свою крепостную бытность (с. 30). Однако, как нам кажется, подобное утверждение применимо, например, к Москве, но не сопрягается с ситуацией в Санкт-Петербурге.

Таким образом, в советский период рассматриваемая нами тема не пользовалась популярностью среди историков. О ремесленном производстве авторы упоминали в общем контексте экономического развития страны.

Лишь с конца 1990-х – начала 2000-х гг. отношение к данной теме постепенно изменилось. Были опубликованы результаты исследований, посвященных разным вопросам ремесленного производства в Российской империи. На общем фоне следует выделить некоторые работы А. В. Келлера, посвященные петербургским ремесленникам (2020).

Появились и немногочисленные работы, посвященные немецким ремесленникам Санкт-Петербурга. Следует отметить статью А. В. Репиной, посвя-

щенную немецким булочникам столицы (1999, с. 197–204). Основное внимание уделено событиям второй половины XIX – начала XX в.

Большой интерес к городской жизни Санкт-Петербурга сохраняется в зарубежной историографии. Это относится и к истории петербургских немцев. Одной из первых работ, посвященных этой теме, стала монография М. Буш, изданная в 1995 г. (Busch, 1995).

В 1999 г. была опубликована статья Д. Дальмана «Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели» (1999, с. 156–163). Данная публикация важна для нас в методологическом отношении, т. к. в ней поднят вопрос об идентичности немцев.

Следует обратить внимание на монографию Дж. Манро «Петербург в царствование Екатерины Великой. Самый умышленный город», опубликованную в русском переводе (2016). Анализируя положение ремесленников, автор отметил значение Ремесленного устава, который, по его мнению, «давно уже требует специального исследования» (с. 325). Также он отметил, в частности, факт роста числа иностранных ремесленников в Санкт-Петербурге благодаря проводимой правительством политики. Он указывал, например, что «агентам Русского правительства в Западной Европе удавалось уговорить немцев, шведов, французов, датчан, швейцарцев и англичан переезжать в Петербург» (с. 322).

Таким образом, имеющаяся на сегодняшний день отечественная и зарубежная историография демонстрирует накопленный эмпирический материал по истории ремесленного мира Санкт-Петербурга. Многие авторы солидарны во мнении, что данная тема имеет многочисленные лакуны, которые следует закрывать.

Источники и методы

Исходя из вышесказанного, мы определим цель данного исследования: изучение некоторых аспектов жизни немецких ремесленников в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. Для этого следует решить некоторые задачи: проанализировать правовое положение рассматриваемой национальной группы сквозь призму нормативно-правовых актов; дать общую характеристику немецким ремесленникам в профессиональном, демографическом, социальном аспектах.

Методологическим базисом в нашем случае выступает теория модернизации. Во второй половине XVIII в. при Екатерине II была скорректирована модель Петровской модернизации России. В первой половине XIX в. в модернизационные процессы были внесены новые правки. Результатом стала многоукладная модель экономического развития русской экономики, в которой мелкотоварное (ремесленное) производство заняло свою нишу.

Одновременно с этим мы можем говорить о варианте фронтирной модернизации. Санкт-Петербург, как и в целом Северо-Запад, являлся пограничным для разных цивилизаций, представителей этнических и конфессиональных групп. В результате контактов, проходивших под пристальным контролем со стороны государства, постепенно формировались новые явления в экономической, социокультурной жизни. Сохраняя этническую самобытность, немцы Санкт-Петербурга и столичной губернии интегрировались в различные структуры. Это, в свою очередь, вело к обогащению идентификационных маркеров. Они были не только немцами, лютеранами, но стали представителями соответствующих колоний, ремесленных цехов и т.д. Таким образом, наряду с этнической и конфессиональной идентичностью, важную роль стали играть административно-территориальная, социальная, экономическая.

Достижение поставленной цели и решение определенных задач возможно с привлечением широкого круга источников. Нами были использованы как опубликованные материалы, представленные, например, в разных изданиях Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи, так и многочисленные документы, извлеченные из архивохранилищ.

Нормативно-правовые документы позволили нам определить общий тренд государственной политики в отношении немецких ремесленников Санкт-Петербурга: от сохранения ими полной свободы в действиях в конце XVIII в. к тотальному контролю за всеми сторонами жизни ремесленного сообщества в середине XIX в.

Говоря о русской истории рассматриваемого периода, следует помнить о существовавших расхождениях в законотворчестве и правоприменении. Поэтому при изучении немецких ремесленников столицы нам следует обращаться не только к опубликованным законам, но и различного рода документам иного содержания.

Нами были использованы документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Основную массу составили делопроизводственные акты, позволившие нам более детально раскрыть особенности жизни и деятельности немецких ремесленников.

Важным источником являются ревизские сказки, которые позволили воссоздать демографический облик ремесленной семьи. Значение этих документов возрастает на фоне тезиса М. П. Вяткина, который справедливо отметил сложность изучения истории первой четверти XIX в. по причине слабой сохранности исторических источников. Мы всецело присоединяемся к выводу, что «установить точное количество рабочих в Петербурге, особенно в первой четверти XIX в., вероятно, невозможно. Ведомости о заводах и фабриках Петербурга от 1811, 1812 и 1821 гг. не дают оснований для уверенного

ответа на этот вопрос. Еще хуже дело обстоит с выяснением количества рабочих на казенных заводах, так как об этом имеются лишь отрывочные сведения» (Вяткин, 1955, с. 464).

Цель и задачи исследования предопределили применение в работе с источниками и литературой общенаучных и специальных методов.

Правовое положение ремесленников Санкт-Петербурга в дореформенный период

Отправной точкой для формирования иностранных (немецких) цехов в Санкт-Петербурге стала Жалованная грамота городам 1785 г. Немецкая ремесленная управа была утверждена указом столичного городского магистрата 27 октября 1785 г. (ЦГИА СПб, 1810, л. 14). Первым главой Управы был избран мастер Ольшинский. В 1786 г. его сменил столярный мастер Зимс, с 1790 по 1796 г. пост занимал живописный мастер Иоганн Вейнер, с 1796 по 1816 г. во главе Управы скорняжного цеха стоял мастер Готфрид Симон Гюнтер (ЦГИА СПб, 1810, л. 14) (Гюнтер (Келлер, 2020, с. 608)).

Значение ремесленников в городской жизни подтверждает факт присутствия их представителей в Санкт-Петербургской общей градской думе: из 78 заседателей 24 были избираемы от цехов российских ремесленников и столько же – от иностранных цехов (РНБ, 1789–1790. С. 131 об.).

На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. осуществлялся процесс дальнейшей регламентации положения ремесленников в Российской империи. Одним из важных событий стала разработка и введение в оборот «Устава цехов» 1799 г. (ПСЗ – I, т. 25, № 19187) Его автором стал граф Н. П. Рязанов. Состоящий из 16 глав, Устав регламентировал различные стороны жизни некоторых профессиональных групп. Одним из главных результатов нововведения стало объединение не только ремесленников, но и приказчиков, лавочников и некоторых других категорий в соответствующие цехи. По содержанию и значению Устав цехов можно поставить в один ряд с Жалованными грамотами дворянству и городам императрицы Екатерина II.

Основное внимание в документе было уделено все же городским ремесленникам. Контроль над их деятельностью возлагался на Ремесленную Управу. Согласно § 1 гл. IV, она «должна ведать о числе всех ремесленников городе, ремесло производящих, и для того как о мастерах, подмастерьях и учениках, право мещанства имеющих, так и о записанных на сроки, должна иметь списки, показующие всякого ремесленника имя, прозвище, поколение, семейство, и какого города и веры». В ее ведении находились вопросы, связанные с производственной деятельностью ремесленников, контролем качества производимых товаров и услуг, трудовых отношений мастеров с подмастерьями и учениками, попечения над вдовами и сиротами и т.д.

Ремесленники одной профессиональной сферы были объединены в цеховые организации, во главе которых стояли избираемые алтерманы. В зависимости от численности цеха допускалось избрание не одного, а несколько алтерманов, исходя из пропорции «на каждые 25 мастеров одного алтермана» (§ 2 гл. VIII).

Крайне неопределенно в Уставе прописано положение иностранных ремесленников. С одной стороны, записанные в ревизию в городе, они «пользовались правом и выгодами мещанина» (§ 1 гл. XI). Иногородние и иностранные ремесленники должны были состоять в одном цехе и нести одинаковые цеховые повинности. Это дало основание некоторым исследователям сделать вывод о том, что, например, немецкие ремесленники Санкт-Петербурга были записаны лишь в соответствующий иностранный цех (булочный, переплетный, клавикордный и пр.). Однако эта норма не имела однозначного правоприменения. Сохранившиеся документы подтверждают факты записи немецких мастеров в российские цехи.

Вплоть до 1810 г. не был урегулирован вопрос о податях ремесленников, записанных в иностранные цехи. До этого времени они обязаны были уплачивать лишь цеховые подати. Согласно справке, представленной гражданскому губернатору столицы М. М. Бакунину, «ремесленники (иностранные – В.Ш.), живя сами в городе, получают от работы и мастерства своего не токмо пропитание, но большие выгоды, они приобретают знатную сумму, <...>, однако никакой в Казну подати, ни градской повинности на себе не имеют» (ЦГИА СПб. 1810, л. 9). Основанием тому служили некоторые статьи Регламента мануфактур-коллегии от 3 декабря 1793 г. и Городового положения 1785 г., согласно которым они не подлежали обложению подушной податью.

Состояние государственного бюджета Российской империи накануне Отечественной войны было плачевным. Значительные суммы были потрачены на военные нужды. Сказывались последствия наводнения внутреннего рынка фальшивыми ассигнациями, проводившегося наполеоновской Францией. В этих условиях властям следовало сократить государственные долги и изыскать дополнительные источники пополнения казны. Уже 2 февраля 1810 г. появился соответствующий манифест, в котором среди прочего мы встречаем следующий пункт: «Наложить в обеих Столицах на иностранных ремесленников: на мастеров по 100 рублей, подмастерьев по 40 рублей и учеников по 10 рублей, предоставляя уравнительное распределение сего дохода самим ремесленным Управам под надзором Градского Главы» (ПСЗ – I, т. 31, № 24116). Таким образом, шел дальнейший процесс гомогенизации ремесленной среды столичного города.

В 1818 г. налогообложение некоторых категорий иностранных ремесленников было изменено. В частности, подмастерья и ученики были полностью освобождены от прежних платежей. Была отменена 100-рублевая подать и для тех иностранных мастеров, которые приняли российское подданство (ПСЗ – I,

т. 35, № 27467). Таким образом, лишь те из мастеров, которые сохранили свое прежнее гражданство (подданство), обязаны были платить установленные подати в казну. В полной мере это относилось к тем из них, кто на момент утверждения мнения Государственного Совета уже проживал в столице и имел свою мастерскую. Вновь прибывающие иностранные мастера с целью создания благоприятных для них условий освобождались от подати на первое трехлетие.

Существенных изменений в правовом положении иностранных ремесленников в Санкт-Петербурге в правление Николая I не отмечается. В то же время, со второй половины 1840-х гг. начался процесс дальнейшей регламентации внутрицеховой жизни. Одним из шагов в этом направлении стало Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга от 13 февраля 1846 г. (ПСЗ – II, т. 21, № 19721).

В новом Положении фиксируется наличие в городе иностранных цехов, которые должны были находиться под контролем Управы иностранных ремесленных цехов (§ 23 гл. I). Иностранные цехи, как и российские, делились на вечные и временные. В первые записывались те мастера, которые, будучи лично свободными, занимались ремеслом и имели в Санкт-Петербурге постоянное жительство. Ко второй категории относились приходящие в столицу с паспортами иногородние мастера (§ 84 гл. IV). Этим законодатель ограничился. Правда, уже в следующем пункте было заявлено, что более подробно образование и внутренне устройство цехов будет определено особым положением. До того момента они продолжали жить в рамках старого нормативно-правового поля.

В 1846 г. начала свою работу Временная комиссия для введения нового Положения об общественном управлении в Санкт-Петербурге. В 1849 г. чиновниками разрабатывались особые «Обряды» (правила – прим. авт.) для российских и иностранных цехов в Санкт-Петербурге. В первую очередь они были составлены для цеховых организаций, связанных с производством и реализацией хлебо-булочных изделий.

В разработке обрядов для русского и иностранного пекарских цехов непосредственное участие принял коллежский советник Карл Грот, занимавший на то время должность чиновника особых поручений в Министерстве внутренних дел. В середине августа 1849 г. проекты обрядов для булочного, пряничного и кондитерского цехов были представлены в Санкт-Петербургскую Ремесленную Управу. По распоряжению руководства последние документы были направлены старостам соответствующих цехов, которые должны были обсудить их содержание с мастерами. Обсуждение должно было носить организованный характер: «Сходы по булочному цеху 20 августа в 11 часов утра, по пряничному цеху 19 августа в 4 часа по полудни и кондитерскому цеху 26 августа в 11 часов утра; сходы первым двум открыть в общественном доме, а последнему в Иностранной Управе, так как обряды кондитерского цеха будут

рассматриваться совместно и иностранными мастерами» (ЦГИА СПб, 1849-1851, л. 4 об.).

Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха	Обряды для Санкт-Петербургского иностранного булочного цеха
<p>§. 3. Булочный цех принадлежит к числу сложных цехов. Сюда входят следующие мастерства: ... (см. ниже – прим. авт.)</p> <p>§. 4. Собственно булочное мастерство заключается в приготовлении следующих предметов:</p> <p>А) черно и белого ржаного хлеба, а также кислосладкого и всех прочих сортов хлеба, делаемого из ржаной муки</p> <p>Б) всякого рода белого хлеба, приготовленного на дрожжах из пшеничной муки, какого бы вида и названия он не был</p> <p>В) из теста на дрожжах всех сортов сухарей, булок куличей, кренделей, баб и тому подобных хлебных произведений, и простых и сахарных с яйцами, шафраном и пряностями и без оных</p> <p>Г) разного рода т.н. тонкого чайного товара, делаемого из муки, масла, сахара и яиц с пряностями и продаваемый на вес</p> <p>Д) пирожного, приготовляемого из теста заварного, слоеного и кастрюльного с начинкой и без оной, пышек, а также так называемого тирольского пирожного, приготовляемого из сухарных крошек и старого тертого хлеба с примесью сахара, яиц и изюма</p> <p>Е) английского кекса и разного сорта коричневых и белых пряников, и пряничных орехов, приготовляемых из муки, сахара, меда или патоки и не принадлежащих к тем сортам пряников, которые делаются мастерами пряничного цеха.</p> <p>§. 5. К хлебному мастерству принадлежат следующие изделия:</p> <p>А) черный хлеб, приготовляемый из обдирной и обыкновенной ржаной муки и продаваемой на вес</p> <p>Б) ситный хлеб, делаемый из первача и крупчатой муки и продаваемой равномерно на вес.</p> <p>§. 6. Саечники и калачники имеют право</p>	<p>§. 3. Булочный цех принадлежит к числу сложных цехов. Сюда входит собственно булочное мастерство и макаронное.</p> <p>§. 4. Собственно булочное мастерство заключается в приготовлении следующих предметов:</p> <p>А) черно и белого ржаного хлеба, а также кислосладкого и всех прочих сортов хлеба, делаемого из ржаной муки</p> <p>Б) всякого рода белого хлеба, приготовленного на дрожжах из пшеничной муки, какого бы вида и названия он не был</p> <p>В) из теста на дрожжах всех сортов сухарей, булок куличей, кренделей, баб и тому подобных хлебных произведений, и простых и сахарных с яйцами, шафраном и пряностями и без оных</p> <p>Г) разного рода т.н. тонкого чайного товара, делаемого из муки, масла, сахара и яиц с пряностями и продаваемый на вес</p> <p>Д) пирожного, приготовляемого из теста заварного, слоеного и кастрюльного с начинкой и без оной, пышек, а также так называемого тирольского пирожного, приготовляемого из сухарных крошек и старого тертого хлеба с примесью сахара, яиц и изюма</p> <p>Е) английского кекса и разного сорта коричневых и белых пряников, и пряничных орехов, приготовляемых из муки, сахара, меда или патоки и не принадлежащих к тем сортам пряников, которые делаются мастерами пряничного цеха.</p> <p>§. 5. Макаронное мастерство заключается в приготовлении разной величины и толщины макарон и вермишелей из манной крупы с подмесью воды.</p>

выделывать:

- А) сайки разной величины, приготавливаемой из крупчатой муки с маслом и без оного
- Б) калачи разной величины и калачные булки из крупчатой муки с маслом и без оного
- В) из саечного теста ватрушки и крендели с анисом и солью
- Г) из крупчатой муки простые куличи без сахару и пряностей

§. 7. Бараночное и крендельное мастерство состоит в выделывании простых баранок и кренделей, продаваемых на вес и поштучно или связками и приготавливаемых из

крупчатой муки или первача на кислой закваске и посыпаемые солью и анисом

§. 8. Выборгские крендельщики могут приготавливать из лучшей московской озимой муки с примесью масла, сахара, молока, яиц и пряностей:

- А) булки круглые, молочные с маслом и сахаром из т.н. разового теста и из того же теста сухари сахарные разной величины
- Б) крендели т.н. выборгские и из того же теста булки и куличи поштучно и на вес
- В) тонкий чайный товар, продаваемый на вес и приготовленный из муки, масла, сахара и яиц с пряностями.

§. 9. Пирожники занимаются исключительно приготовлением простых пирогов разных сортов и разной величины из крупчатой муки с начинкой

§. 10. Макаронное мастерство заключается в приготовлении разной величины и толщины макарон и вермишелей из манной крупы с подмесью воды.

Таблица 1. Производственная специализация булочников русского и немецкого цехов (ЦГИА СПб, 1849 – 1851, лл. 31-33, 40 об.-41)

Table 1. Production specialization of Russian and German confectioners in the Russian and German workshops (CSHA St. Petersburg, 1849 – 1851, l.; 31-33, 40 ob.-41)

В назначенный срок, как показывают документы, обсуждение обрядов не состоялось. Старосты русского и иностранного булочного цехов Кокин и Зиберт объясняли это тем, что большинство мастеров на летнее время покидает столицу и работает в дачных местах. Только 1 сентября состоялось

собрание мастеров. В целом содержание предложенных обрядов не вызвало возражений со стороны булочников.

Надо сказать, что обряды для русского и иностранного булочного цехов отличались по количеству статей. Больше их число в первом документе объясняется необходимостью конкретизации отдельных аспектов, например, видов мастерства. Во избежание конфликтных ситуаций была подробно детализирована номенклатура производимой продукции (см. табл. 1).

Обсуждение обрядов продолжалось еще в течение года. Булочники немецкого цеха в 1850 г. предложили внести дополнения в § 15, определяющий принцип открытия пекарен в столице. Этот вопрос вызывал горячие споры между мастерами цеха. В результате Комиссией было принято поступившее предложение: «Каждый вновь вступающий в цех мастер имеет право завести мастерскую, где пожелает, или приобрести таковую от другого мастера, но дабы таковые передачи не делались предметом вредных спекуляций, булочный мастер, передавший свою мастерскую другому из денежной или иной выгоды, не иначе может завести таковую вновь как по приговору цехового схода, если представится к тому уважительная причина, предоставляется же ему право приобрести уже заведенную мастерскую куплею или другим дозволенным по закону порядком перехода имущества» (ЦГИА СПб, 1849 – 1851, л. 140 об.).

К концу 1850 г. обряды для булочного и пряничного цехов были утверждены и отпечатаны типографским способом в типографии Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. Примечательно, что все расходы (100 руб. 50 коп.) за печать 3 тыс. экземпляров обрядов булочного цеха были возмещены из средств Санкт-Петербургской Ремесленной управы, в адрес которой был направлен соответствующий счет (ЦГИА СПб, 1849 – 1851, л. 110).

В конце октября 1856 г. Санкт-Петербургская Ремесленная Управа завершила работу по составлению обрядов для российских и иностранных цехов, которые были отправлены в Иностранную Ремесленную Управу в столице. Последняя направила их для ознакомления в соответствующие цехи. В течение первой половины 1857 г. на все обряды были получены решения цеховых собраний. Общий лейтмотив можно озвучить мнением мастеров немецкого музыкально-инструментального (клавикордного) цеха, которые со своей стороны заявили, что «оны составлены согласно потребностям цеха и делать изменения нужным не нашло» (ЦГИА СПб, 1856 – 1858, л. 5).

Введенные в действие обряды представляли собой комплекс норм, определявших внутреннюю жизнь ремесленного цеха. Основанием для деятельности цеха были положения Ремесленного Устава, и в содержательной части можно найти большое количество заимствований из последнего.

Остановимся на некоторых положениях принятых обрядов. Для всех цехов не было ограничений на число записанных мастеров. Это, с одной стороны, создавало широкие возможности для роста мелкотоварного произ-

водства в столице. Но, с другой стороны, это вело в первой половине XIX в. к жесткой конкуренции между ними. Как мы ниже покажем, создавались искусственные препятствия для того, чтобы не допустить появления в городе большого количества специалистов. Государство, таким образом, создавало либеральные условия для развития городской экономики, а цехи, со своей стороны, гласно или негласно контролировали ситуацию на соответствующем рынке товаров.

Большое внимание уделено регламентации деятельности мастеров. Как и прежде, они должны были иметь соответствующий диплом, подтверждающий их статус. Ранее такие дипломы выдавались от цеха алдерманами. С 1850-х гг. прошедший испытание мастер получал его от Ремесленной Управы с указанием «какое именно мастерство ему производить предоставлено» (ЦГИА СПб, 1856 – 1858, л. 9 об.). Одновременно с дипломом он должен был ежегодно получать так называемое управное свидетельство, которым давалось право на ведение профессиональной деятельности. Такое свидетельство следовало ежегодно получать в Управе после внесения годового оклада казенных и цеховых сборов.

Особо оговаривалось во всех обрядах право вдов на продолжение ремесленного мастерства умерших мужей через опытного подмастерья (ЦГИА СПб, 1856 – 1858, лл. 11–11 об.). За ними было сохранено право иметь учеников. Это право было закреплено особыми статьями Ремесленного устава изд. 1857 г. (ст. 128, 129) (Ремесленный устав, 1857).

Обрядами определялось положение подмастерьев и учеников. Каждого из них следовало записывать в соответствующую книгу цеха. Подмастерье должен был иметь соответствующий диплом.

Процедура перехода из состояния ученика в подмастерья имела двойственную структуру. Тот ученик, который завершил обучение спустя определенный срок и имел аттестат от «известных и благонадежных мастеров», получал подмастерский диплом без дополнительных испытаний. В противном случае претендент на такой диплом должен был пройти соответствующее испытание, организованное цеховыми мастерами, и подтвердить соответствующие умения и навыки.

Главными документами, регламентирующими взаимоотношения мастера с подмастерьями и учениками, были, согласно обрядам, расчетная книжка и контракт.

Обряды сохраняли определенную корпоративную замкнутость ремесленного мира Санкт-Петербурга. Это относилось, в частности, к процедурам разрешения споров между его членами. Во всех цеховых обрядах этому был посвящен последний параграф: «Все споры между мастерами, подмастерьями и учениками, относящимся до ремесла или работы, также расчетов содержания и поведения, разбираются первоначально цеховым старостой. Если же

он не успеет окончить дело миром, тогда он поступает на рассмотрение Ремесленной Управы» (ЦГИА СПб, 1856 – 1858, лл. 15 – 15 об.).

Таким образом, в первой половине XIX в. была завершена регламентация положения цеховых ремесленников в Санкт-Петербурге. В полной мере это можно отнести и к немецким ремесленникам. Если на рубеже XVIII – XIX вв. по своему правовому статусу они отличались от мастеров, записанных в российские цеха столицы, то в середине 1850-х гг. все различия между ними были окончательно стерты, что свидетельствует о завершении гомогенизации ремесленной среды.

Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: общая характеристика

Говоря о городском населении Санкт-Петербурга в первой половине XIX в., следует согласиться с теми выводами, к которым пришли наши предшественники. Так, один из авторов многотомных «Очерков истории Ленинграда» М. П. Вяткин констатировал, что «установить точное количество рабочих в Петербурге, особенно для первой четверти XIX в., вероятно, невозможно» (1955, с. 464). Этот факт объясняется, в первую очередь, отрывочными сведениями, которые можно почерпнуть в сохранившихся источниках. Этот тезис вполне можно распространить не только на рабочих казенных и частновладельческих мануфактур, но и мелкотоварное и ремесленное производство.

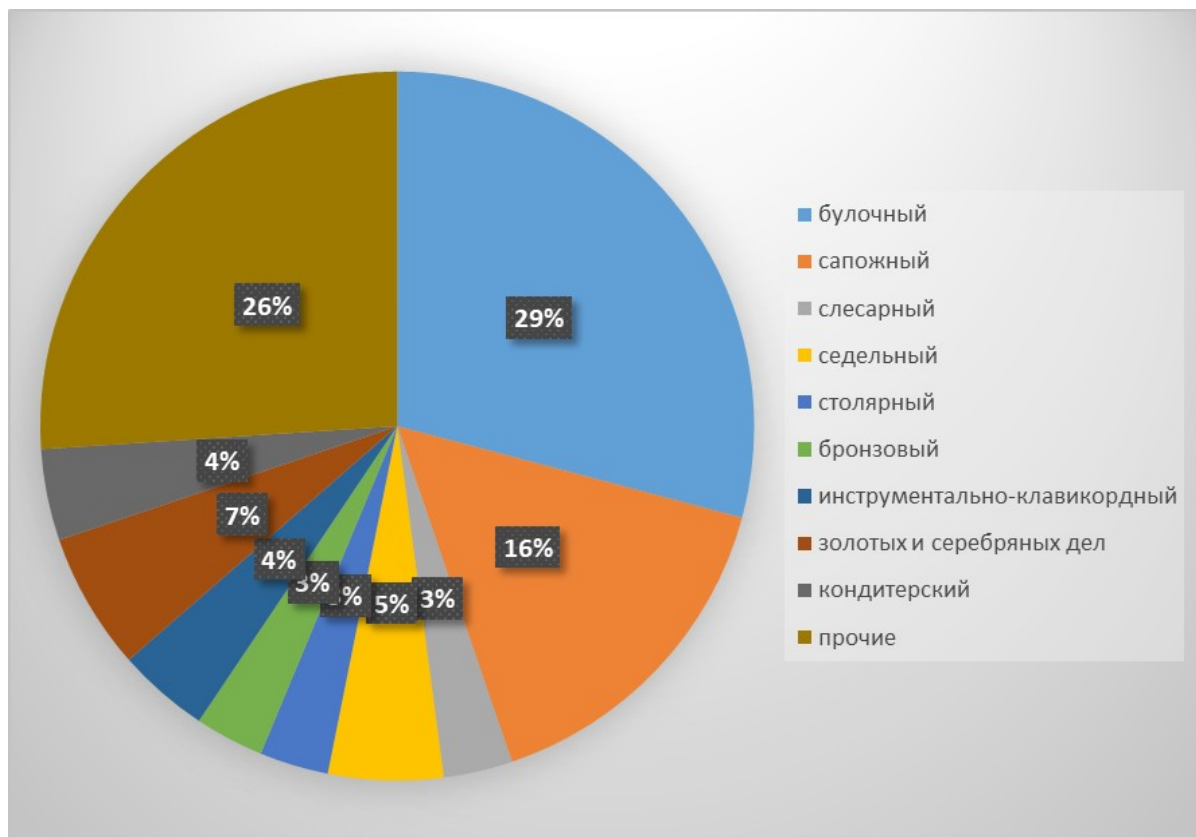
Говоря о ремесленниках города, мы можем их приблизительную численность определить по материалам Ремесленной Управы. Можно, например, использовать ревизские сказки. К сожалению, их сохранность оставляет желать лучшего. К тому же использование этого источника позволит выявить мастеров, записанных в цехи, но не всегда с его помощью можно определить численность подмастерьев и учеников. Этот факт подтверждают и материалы, обобщенные А. В. Келлером в его монографии о ремесленниках столицы (2020, с. 618-622).

Другая проблема, с которой сталкивается исследователь, – определение этнической принадлежности представителей разных ремесел. Существование в Санкт-Петербурге российских и иностранных (немецких) цехов вовсе не свидетельствует о том, что в последние записывались исключительно немцы. Как мы покажем ниже, запись в некоторые иностранные цеха была сопряжена со стремлением их верхушки максимально ограничить число мастеров. В этой ситуации некоторые немецкие подмастерья или иногородние мастера предпочитали записываться в российские цеха. Подтверждение этому мы находим при изучении списочного состава цехов на начало 1820 г., приведенные в справочнике Самуила Аллера (1822, с. 516-598).

Достаточно сложно определить принадлежность того или иного горожанина к немецкой общине Санкт-Петербурга. Можно согласиться с мнением

профессора Д. Дальмана, что критерии для причисления могут быть разные: язык, место рождения, гражданство и религия (1999, с. 157). Последний фактор рассматривается им как наиболее устойчивый. Но и он подвергался иногда, как мы увидим, внешнему воздействию. Отказ же от веры отцов и переход в иную (читай – православную) конфессию для заключения брака вовсе не означал отказ от «немецкости», в отличие от еврейской традиции.

По некоторым данным, на конец XVIII в. в Санкт-Петербурге проживало от 16 до 17,6 тыс. немцев (Дальман, 1999, с. 158). Однако, основываясь лишь на материалах церковного учета, авторы оставляют за скобками второе поколение, родившееся в смешанных русско-немецких браках. Будучи православными, они продолжали оставаться немцами.

**Рисунок 1. Структура наиболее распространенных ремесел
 (по материалам ревизии 1816 г.) (ЦГИА СПб, 1815; 1816)**

**Figure 1. Structure of the most common crafts
 (based on the materials of the 1816 census) (CSHA St. Petersburg, 1815; 1816)**

О значении немецких ремесленников в повседневной жизни Санкт-Петербурга говорят статистические данные, которые привел в своей работе «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo» (Часть первая) академик Импера-

торской Академии наук и художеств И. Г. Георги (1794). На 1789 г., по его сведениям, в немецком цехе числилось 1477 мастеров (в то же время русских цеховых и нецеховых было 2106) (с. 238). Описывая разные сферы ремесленной деятельности, он отметил, что значительное количество немцев было среди хлебников (с. 241), кондитеров (с. 242), мясников, специализировавшихся на изготовлении свежих и копченых колбас (с. 242). Доминировали немецкие мастера в изготовлении одежды (210 против 178 русских мастеров) (с. 243). Отмечается присутствие их и в других сферах ремесленного производства.

Общее представление о немецких ремесленниках столицы в середине 1810-х гг. дают материалы VII ревизии, проведенной в Санкт-Петербурге в 1816 г.

Как видно из приведенных данных, наиболее распространенным среди немецких ремесленников являлось булочное производство. Немец-булочник стал в первой половине XIX в. одним из хрестоматийных персонажей на страницах литературных произведений.

Кроме этого, среди немцев были популярны сапожное, седельное, слесарное мастерство. В обеих столицах, будучи приписанными к цехам золотых и серебряных дел, они часто занимались изготовлением ювелирных украшений. Нередко можно было встретить и немца-часовщика. В рассматриваемый период немцы стали доминировать в изготовлении и музыкальных инструментов.

подавляющее большинство мастеров не были уроженцами Санкт-Петербурга. Наиболее часто в качестве места рождения указывалась Саксония, Пруссия, Брауншвайг, Вестфалия, Бавария, вольный город Гамбург и пр. Их переселение было обусловлено, в первую очередь, военными потрясениями кампаний начала XIX в.

Крайне редко в начале XIX в. можно было встретить мастера из числа «здесьних уроженцев». В основном это были молодые мастера из числа колонистов или же те, кто наследовал ремесло от умершего родителя. В качестве примера можно назвать сапожника Иоганна Фридриха Гевена 23 лет (по ревизии 1816 г.) (ЦГИА СПб, 1815, лл. 231–231 об.) и сына умершего парикмахерского мастера 18-тилетнего Ивана (Иоганна) Лотта (ЦГИА СПб, 1815, лл. 232–232 об.).

Анализ сохранившихся ревизских сказок позволяет нам восстановить некоторые демографические характеристики немецкой ремесленной семьи. Так, средний возраст мастера составлял ок. 38 лет. При этом были и мастера возрастные. Например, вестфальскому уроженцу слесарному мастеру Иоганну Шульцу на момент ревизии было уже 66 лет. Он проживал в столице вместе с 59-летней женой Анной и 19-летней дочерью Анной (ЦГИА СПб, 1815, лл. 195–196).

Семейное положение мастеров было различным. В сделанной выборке из 98 немцев-ремесленников Санкт-Петербурга были: 21 холостой, 6 вдовцов,

67 в первом браке. Лишь трое из них были женаты повторно, и один (булочник Готлиб Готфрид Блюме) женился третий раз (ЦГИА СПб, 1816, лл. 22–23). Среди женщин (вдов) также встречались примеры повторного вступления в брак.

Следует обратить внимание на холостых мастеров. Их возраст колебался от 18 до 54 лет. Если в отношении молодых людей в возрасте до 30 лет подобная ситуация не вызывает особых вопросов, то с ремесленниками от 30 лет и старше складывается иная картина. В подавляющем большинстве последние были впервые записаны в ревизию. Можно допустить, что некоторые из них действительно были холосты, другие расторгли брак накануне эмиграции, третьи же были женаты на родине, но в Петербурге они позиционировали себя как свободных. То, что среди немецких мастеров вполне были допустимы подобные случаи, подтверждает история берлинского слесаря Ф. Кнака (Келлер, 2022).

Традиционная ремесленная семья в Санкт-Петербурге была двухпоколенной и состояла из родителей и детей. Отсутствие более сложных семейных групп объясняется, в первую очередь, кратким сроком проживания в России. Нередки были случаи заключений браков между немцами и местными девицами своей веры, реже – православными при наличии разрешения на брак Санкт-Петербургской духовной консистории.

Стоит отметить, что в архивохранилище сохранилась ревизская сказка на инструментального мастера Иоганна Шрейдера, основателя одной из старейших фирм России по производству фортепиано (1816 – 1917 гг.). В 1815 г. он женился на вдове петербургского малярного мастера Анне Луизе (урожд. Ланге), у которой от первого брака была 9-летняя дочь Амалия. Иоганну на тот момент было 27 лет, а его жене 28 (ЦГИА СПб, 1815, лл. 4–5).

Важной характеристикой немецких ремесленников в первой половине XIX в. была вертикальная и горизонтальная мобильность. Первая была связана с переходом из страты в страту, вторая демонстрирует переход ремесленника из одного цеха в другой.

Нередко немецкие мастера записывались в купечество. Наибольший интерес для них представляла третья гильдия, которая давала возможность заниматься мелочным торгом в пределах губернии. Примеры такой записи обнаруживаются на протяжении всего рассматриваемого периода. Такие переходы имели место еще в конце XVIII в. Основанием для этого стала Жалованная грамота городам 1785 г. Так, в 1786 г. по объявлении «по совести» капитала в первую гильдию был причислен мастер немецкого портного цеха Карл Фридрих Гиндеман, о чем была сделана запись в городской обывательской книге (ЦГИА СПб, 1787, л. 1). В дальнейшем эта практика была продолжена. В 1804 г. мастер немецкого столярного цеха Генрих Лирзен был записан в 3-ю гильдию с приведением его к присяге (ЦГИА СПб, 1804, л. 3).

В 1848 г. мастер вечного немецкого булочного цеха Иоганн Катц заявил о своем намерении выйти из ремесленного сословия и по торговым занятиям

приписаться к купечеству. В цехе он состоял более 14 лет, о чем свидетельствует факт его записи по VIII ревизии (ЦГИА СПб, 1848, л. 1). На тот момент он был одинок, тогда как к 1848 г. был семейным человеком. С женой Луизой (урожд. Вебер) он венчался в церкви св. Анны 8 сентября 1835 г., вскоре у них уже было три сына и три дочери (ЦГИА СПб, 1848, л. 3).

Ремесленное сословие выглядело привлекательным для петербургских колонистов, которые уже с конца XVIII в. записывались в цехи. В то же время они стали отдавать малолетних сыновей в учение ремеслу. Некоторые из них в дальнейшем получили дипломы мастеров и открыли свои мастерские. К середине XIX в. сохранились случаи выхода колонистов из своего прежнего сословия с причислением к ремесленному сословию. Примером может служить 26-летний и холостой колонист Ижорской колонии Георг Леверенц, который в 1839 г., проживая длительное время в Санкт-Петербурге (Васильевская часть, первый квартал, дом Тилова № 53/5), был записан в котовый цех (ЦГИА СПб, 1839, лл. 1-3). Пройдя все стадии обучения, он стал мастером по пошиву обуви на низком каблуке с красной оторочкой и шнурками.

В целом можно говорить не только о переходе из страты в страту, но и о мобильности внутри ремесленного сословия. Это, в первую очередь, связано с профессиональным ростом и прохождением пути от ученика до мастера. Ремесленный устав и появившиеся в 1850-х гг. цеховые обряды формально не препятствовали переходу ученика в разряд подмастерья и затем получению мастерского диплома. Основными условиями были срок обучения и выполнение «квалификационной работы». Подобная практика существовала и в других европейских странах. В каждой стране были свои особенности. Если в России мы не встречаем упоминаний о высоких вступительных взносах при записи в цех, то это отмечалось в Гамбурге (ГАРФ, 1930, л. 43).

Еще одной формой вертикальной мобильности для ремесленников столицы, в том числе и немцев, был выход из ремесленного сословия посредством обучения в одном из учебных заведений. Наиболее доступным для них было Императорское Коммерческое училище (с 1799 г. находилось в Санкт-Петербурге). Ежегодно в училище принимали на бесплатной основе 60 мальчиков, остальные же были своекоштными. Но бесплатное обучение было сопряжено в дальнейшем с обязательной и пожизненной припиской выпускника к купеческому сословию, сменить которое он не мог ни при каких обстоятельствах. Этот факт не особо смущал обывателей. Они достаточно быстро нашли способ, как дать образование детям и избежать «купеческой кабалы».

В 1845 г. в училище вдовой вечного портного мастера Марией Зур было подано прошение о приеме ее сына Карла «штатным пансионером» (ЦГИА СПб, 1846–1848, л. 1). В нем она указала на факт неудовлетворительного собственного материального положения, что подтверждалось свидетельством от Санкт-Петербургской Градской думы (ЦГИА СПб, 1846–1848, л. 3).

Наряду с прочими кандидатами 10-летний Карл Зур был допущен к сдаче вступительных испытаний. В архивном деле сохранился бланк «Отметки по приемному испытанию Карла Генриха Зура кандидата для допущения к баллотированию в штатные воспитанники СПб Коммерческого училища», на оборотной стороне которого были выполнены письменные задания: арифметические примеры на умножение, правописание на немецком, французском и русском языках. В конце каждой работы стоит подпись преподавателя, проверявшего работу (ЦГИА СПб, 1846–1848, лл. 5–5 об.).

Баллы по предметам испытания									
Закон Божий	Арифметика	История	География	В языках			Французский	Английский	Общий результат
				Русский	Немецкий	Французский			
	Учился			Разговор	6	10	0	Не учился	
			Чтение	6	10	8			
			Правописание	5	6	9			
			Чистописание	-	-	-			
X	6				6	8	9		7

Таблица 2. Экзаменационные оценки Карла Зура, 6 июня 1846 г. (ЦГИА СПб, 1846–1848, л. 5)

Table 2. Examination grades of Karl Zurr on June 6, 1846 (CSHA St. Petersburg, 1846–1848, p. 5)

Обращает на себя внимание уровень владения кандидатом языками. При совершенном владении разговорным немецким и умением читать на родном языке, правописание было удовлетворительным. На этом фоне выделяется владение им письменным французским языком при полном отсутствии умения говорить на нем. Жительство в Санкт-Петербурге было сопряжено с необходимостью владения в обязательном порядке русским языком. Подросток, как мы видим из экзаменационного листа, мог сносно говорить, читать и писать на русском языке. Это является аргументом, который лишний раз опровергает тезис о том, что немцы в Санкт-Петербурге жили замкнуто и не владели русским, предпочитая использовать только немецкий язык. Как мы видим, даже бедная вдова портного мастера старалась дать своему сыну

хорошее домашнее образование, основанное, в первую очередь, на владении доминирующими для столицы языках.

Обучение Карла Зура в Коммерческом училище продолжалось до сентября 1848 г., когда мать приняла решение забрать сына.

Нередко встречались переходы из одного цеха в другой, преимущественно близких друг другу. Такая практика была характерна, например, для булочников, кондитеров, пряничников и пр. Так, в 1795 г. мастера немецкого хлебного цеха Иоганн Христиан Хейферт, Иоганн Готлиб Буш и Антон Кригер заявили о своем желании записаться в российский кондитерский цех для изготовления сахарных закусок (ЦГИА СПб, 1795, л. 1). Национальность мастеров не стала помехой. Пройдя соответствующее испытание, они были приписаны к цеху (ЦГИА СПб, 1795, л. 5), о чем были сделаны соответствующие записи и в городской обывательской книге (ЦГИА СПб, 1795, л. 9).

В настоящее время мы не можем определить численность немецких ремесленников с членами семей на конец 1850-х гг. Это объясняется, в первую очередь, фрагментарной сохранностью статистических источников (ревизских сказок) по Санкт-Петербургу. Тем не менее, некоторые справочные издания позволили нам представить численность ремесленников на середину 1820-х гг. По данным, приведенным в справочнике С. И. Аллера, в городе в немецких цехах числилось более 600 мастеров в 34 цехах ведомства Немецкой Ремесленной управы (1822, с. 516-598). Но в реальности немцев-ремесленников было гораздо больше, т. к. часть из них, как мы показали выше, записывалась и в цехи ведомства Русской Ремесленной управы.

В целом же благосостояние немецких ремесленников в столице находилось на относительно высоком уровне. Подтверждением тому являются заметки, сделанные Г. Л. Аттенгофером, после личного знакомства с некоторыми из них. В опубликованном «Медико-топографическом описании Санкт-Петербурга» он, в частности, писал: «У иностранных ремесленников, которые имеют хороший достаток, или наружным блеском думают обрести оный, равно находишь роскошь, которая всякого приехавшего из какого-либо немецкого города иностранца приводит в величайшее изумление. И в их домах со вкусом мебелированных должны непременно находиться: гостиная, столовая и, кто бы мог подумать, комната для слуг. Бедный ремесленник в Германии скорее почтет все это сказкою, нежели поверит, что предприимчивые его товарищи, которые некогда были такие же ремесленники, как и он, теперь живут большими господами, в прекрасном великолепном городе; несмотря на все сие, это сушая правда» (1820, с. 199).

Выводы

Таким образом, немецкие ремесленники, заняв во второй половине XVIII в. свои экономические ниши в мелкотоварном производстве

Санкт-Петербурга, сохраняли свои позиции на протяжении дореформенного периода.

Законодатель не мог не реагировать на наличие в городской среде столь многочисленной группы. Анализ законодательных актов конца XVIII – первой половины XIX в. позволяет сделать вывод об изменениях в государственной политике в отношении иностранных (немецких) ремесленников в столице. Если длительное время последние могли вести профессиональную деятельность не только не записываясь в цехи, но даже пользовались иммунитетом в вопросе уплаты казенных и городских податей (фактически они не учитывались в раскладке), то уже в конце 1810-х гг. ситуация стала меняться. Вступивший на престол Николай I активизировал практику гомогенизации, приведшей в результате к уравниванию в правах русских и немецких ремесленников к концу 1850-х гг., что и было зафиксировано введенными в действие обрядами цехов.

Немецкие ремесленники не являлись изолированной общностью в городском пространстве Санкт-Петербурга. Они стали важной частью экономической жизни столицы. Со временем стирались национальные особенности, чему во многом способствовали межконфессиональные и межэтнические браки. Уже в первой четверти XIX в. можно было встретить потомков подобных браков, которые не говорили по-немецки и жили по русскому обычаю. Но большинство «удерживали немецкий характер, а с ним и обыкновения их предков» (Аттенгофер, 1820, с. 167).

На протяжении первой половины XIX в. немецкие ремесленники демонстрировали разные модели вертикальной и горизонтальной мобильности. Их широкое распространение свидетельствует об отсутствии жестких рамок и легальных возможностях изменить свое положение в социальной структуре города.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Список литературы

- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration* [*Germans in St. Petersburg 1865-1914: Identity and Integration*]. Klartext-Verlag. (In German).
- Аллер, С. И. (1822). *Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов / Издал Самуил Аллер на 1823 год*. Типография Департамента народного просвещения.

- Аттенгофер, Г. Л. (1820). *Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи / Сочинение Генриха Людвига фон Аттенгофера, доктора медицины, в российско-императорской службе надворного советника и многих ученых обществ члена. Перевод с немецкого. Императорская Академия наук.*
- Вяткин, М. П. (Ред.). (1955a). *Очерки истории Ленинграда: Т. 1: Период феодализма (1703-1861 гг.).* Издательство Академии наук СССР.
- Вяткин, М. П. (1955b). *Экономическая жизнь Петербурга в период разложения крепостничества.* В М. П. Вяткин (Ред.), *Очерки истории Ленинграда: Т. 1: Период феодализма (1703-1861 гг.)* (с. 447-505). Издательство Академии наук СССР.
- Георги, И. Г. (1794). *Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. Часть 1. При Императорском Шляхетском сухопутном кадетском корпусе.*
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1930). Ф. Р-5449. Оп. 1. Д. 97. Л. 43.
- Дальман, Д. (1999). *Петербургские немцы в XVIII столетии: Крестьяне, ремесленники, предприниматели.* В Г. И. Смагина (Ред.), *Немцы в России: Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche: Сборник статей* (с. 156-163). Издательство Дмитрий Буланин.
- Келлер, А. В. (2020). *Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты).* Алетея.
- Келлер, А. В. (2022). *Российско-прусские коммуникативные практики на примере трудовой миграции берлинского слесаря Ф.В. Кнака в 1836-1837 гг.* *Studia humanitatis*, 2. <https://doi.org/10.24412/2308-8079-2022-2-3>
- Манро, Дж. (2016). *Петербург в царствование Екатерины Великой. Самый умышленный город.* Центрполиграф.
- Пажитнов, К. А. (1952). *Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма.* Издательство Академии наук СССР.
- Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). (б. д.-а). Т. 25. № 19187.
- Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). (б. д.-б). Т. 31. № 24116.
- Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). (б. д.-с). Т. 35. № 27467.
- Полное собрание законов Российской империи. Издание II (ПСЗ РИ – II). (б. д.). Т. 21. № 19721.
- Ремесленный устав. Свод законов Российской империи. Т. XI. Часть II. (1857).* Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- Репина, А. В. (1999). *Немецкие булочники в Санкт-Петербурге.* В Г. И. Смагина (Ред.), *Немцы в России: Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche: Сборник статей* (с. 197-204). Издательство Дмитрий Буланин.
- Российская национальная библиотека (РНБ). (1789-1790). *Отдел рукописей. Ф. 885. Туманский Ф. О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санктпетербургской губернии, включая народы и селения от времен древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями.*
- Рындзюнский, П. Г. (1958). *Городовое гражданство дореформенной России.* Издательство Академии наук СССР.

- Туманский, Ф. О. (1792). Описание Санктпетербурга. В *Российский магазин*. Ч. 1. (с. 12-186). Пись-
менопечатня И.К. Шнора.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1787). Ф. 781.
Он. 2. Д. 74.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1795). Ф. 781.
Он. 2. Д. 2071.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1804). Ф. 221.
Он. 1. Д. 222.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1810). Ф. 254.
Он. 1. Д. 2545.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1815). Ф. 223.
Он. 1. Д. 4.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1816). Ф. 223.
Он. 1. Д. 5.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1839).
Ф. 788. Он. 2. Д. 42.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1846-1848).
Ф. 239. Он. 1. Д. 1608.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1848).
Ф. 223. Он. 1. Д. 615.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1849-1851).
Ф. 223. Он. 1. Д. 671.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1856-1858).
Ф. 223. Он. 1. Д. 2331.

References

- Aller, S. I. (1822). *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adresnaya kniga, s planom i tablitsyu pozharnykh signalov / Izdal Samuil Aller na 1823 god*. Tipografiya Departamenta narodnago prosveshcheniya. (In Russian).
- Attengofer, G. L. (1820). *Mediko-topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, glavnago i stolichnago goroda Rossiyskoy imperii / Sochinenie Genrikha Lyudviga fon Attengofera, doktora meditsiny, v rossiysko-imperatorskoy sluzhbe nadvornago sovetnika i mnogikh uchenykh obshchestv chlena*. Perevod s nemetskago. Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russian).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration [Germans in St. Petersburg 1895-1914: Identity and integration]*. Klartext-Verlag. (In Germany)
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1787). F. 781. In. 2. C. 74. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1795). F. 781. In. 2. C. 2071. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1804). F. 221. In. 1. C. 222. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1810). F. 254. In. 1. C. 2545. (In Russian).

- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1815). F. 223. In. 1. C. 4. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1816). F. 223. In. 1. C. 5. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1839). F. 788. In. 2. C. 42. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1846-1848). F. 239. In. 1. C. 1608. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1848). F. 223. In. 1. C. 615. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1849-1851). F. 223. In. 1. C. 671. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1856-1858). F. 223. In. 1. C. 2331. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Edition I (CCL RI – I). (n. d.-c). Vol. 35. No 27467. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Edition I (CCL RI – I). (n. d.-a). Vol. 25. No 19187. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Edition I (CCL RI – I). (n. d.-b). Vol. 31. No 24116. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Edition II (CCL RI – II). (n. d.). Vol. 21. No 19721. (In Russian).
- Dal'man, D. (1999). Peterburgskie nemtsy v XVIII stoletii: Krest'yane, remeslenniki, predprinimateli. In G. I. Smagina (Ed.), *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche: Sbornik statey* (pp. 156-163). Izdatel'stvo Dmitriy Bulanin. (In Russian).
- Georgi, I. G. (1794). *Opisanie rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostey v okrestnostyakh onago. Chast' 1. Pri Imperatorskom Shlyakhetskom sukhoputnom kadetskom korpuse*. (In Russian).
- Keller, A. V. (2020). *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyy i sotsial'no-ekonomicheskyy aspekty)*. Aleteyya. (In Russian).
- Keller, A. V. (2022). Russian-Prussian communicative practices on the example of labour migration of the Berlin locksmith F.V. Knack in 1836-1837. *Studia humanitatis*, 2. <https://doi.org/10.24412/2308-8079-2022-2-3> (In Russian).
- Manro, Dzh. (2016). *Peterburg v tsarstvovanie Ekateriny Velikoy. Samyy umyshlennyy gorod*. Tsentr-poligraf. (In Russian).
- National Library of Russia (NLR). (1789-1790). *Department of Manuscripts. F. 885. Tumansky F. O. The experience of narrating about the deeds, position, state and division of the St. Petersburg province, including peoples and villages from ancient times to the present, divided into three branches with additions*.
- Pazhitnov, K. A. (1952). *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Remeslennyy ustav. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Vol. XI. Part II. (1857)*. Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russian).

- Repina, A. V. (1999). Nemetskie bulochniki v Sankt-Peterburge. In G. I. Smagina (Ed.), *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche: Sbornik statey* (pp. 197–204). Izdatel'stvo Dmitriy Bulanin. (In Russian).
- Ryndzyunskiy, P. G. (1958). *Gorodovoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSP. (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation (SARF). (1930). F. R-5449. In. 1. C. 97. L. 43. (In Russian).
- Tumanskiy, F. O. (1792). Opisanie Sanktpeterburga. In *Rossiyskiy magazin. Part 1*. (pp. 12-186). Pis'menopechatnya I.K. Shnora.
- Vyatkin, M. P. (Ed.). (1955a). *Ocherki istorii Leningrada: Vol. 1: Period feodalizma (1703-1861 gg.)*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Vyatkin, M. P. (1955b). Ekonomicheskaya zhizn' Peterburga v period razlozheniya krepostnichestva. In M. P. Vyatkin (Ed.), *Ocherki istorii Leningrada: Vol. 1: Period feodalizma (1703-1861 gg.)* (pp. 447–505). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).